УДК [35»179/186»:94(47).066/.073](470.63)

Герман Р.Э.,

филиал Российского государственного социального университета в г. Ставрополе; заведующий кафедрой менеджмента и административного права; кандидат исторических наук, доцент (Российская Федерация, г. Ставрополь);

НАПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ НА СТАВРОПОЛЬЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ 60-Х ГГ. XIX ВВ.

В статье рассматриваются направления и специфика деятельности органов гражданского управления на Ставрополье в период распространения российской власти на Кавказе. Показаны влияние Кавказской войны, роль военачальников в гражданском управлении, рассмотрены особенности кадровой политики в органах власти в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ставропольская губерния, Кавказская война, Кавказское наместничество, чиновники, губернатор.

Начиная с последней трети XVIII века, Россия предпринимает ряд последовательных шагов к тому, чтобы превратить Кавказ в часть Российской империи. Проводниками политической воли на местах должны были стать административные органы.

В своей деятельности в этом направлении правительство опиралось на те выработанные формы и институты управления, которые существовали во внутренних губерниях, но оно не могло не считаться и с определенными особенностями окраин.

Присоединив столь обширный край и сообразуясь с интересами внешней и внутренней политики, правительство приступило к его административному устройству.

5 мая 1785 года было создано Кавказское наместничество из двух областей – Кавказской и Астраханской [11, № 16193]. Центром наместничества был определен г. Екатериноград, стоящий в непосредственной близости от границ с горскими народами.

Согласно введенному «Учреждению для управления губерний» (1775 г.) [16, с. 105], в котором утверждался административно-территориальный принцип разделения государства, Екатерина II преследовала прежде всего две цели: удобство сбора налогов и удобство полицейского надзора.

«Дабы губерния или наместничество порядочно могла быть управляема, полагается в оной от 360 до 400 тысяч душ» [16, с. 102]. Рассматривая губернию как отдельное наместничество, «Учреждение» предписывало в каждую губернию назначить двух главных начальников:

«государева наместника или генерал-губернатора, являвшегося правительственным органом надзора за осуществлением предписываемых начал управления;

подчиненного ему правителя наместничества или губернатора, являющегося ответственным правителем губернии» [16, с. 192].

Генерал-губернаторы (наместники) назначались в местности, находившиеся на военном положении. В 1826 г. должность генерал-губернатора была упразднена и сохранена только в столицах и пограничных губерниях.

Губернаторы осуществляли две функции — надзора и непосредственного управления. Губернаторский надзор проявлялся в двух направлениях: надзора за должностными лицами (правительственными и общественными) и надзор за деятельностью правительственных и общественных учреждений.

Для заведования делами управления и полиции было учреждено наместническое или губернское правление, состоящее под предводительством генерал-губернатора, а впоследствии губернатора; оно являлось учреждением только совещательным, так как право решающего голоса принадлежало губернатору. В прямой зависимости от губернатора находилась также Казенная палата, несмотря на то, что являлась коллегиальным органом.

Казенная палата являлась местным органом двух финансовых коллегий: камер-коллегии, ведающей государственными доходами, и ревизион-коллегии, которая осуществляла финансовый контроль.

Согласно «Учреждению» была введена система судебных органов, которые носили сословный характер. Среди них выделяются: палата уголовного суда, палата гражданского суда, верхний земский суд, выступающий как сословный дворянский орган, и суд второй инстанции.

В прямой зависимости от губернатора находились также управление государственным имуществом, акцизное управление [16, с. 195].

Гораздо слабее был губернаторский надзор за отраслями и учреждениями, не входящими в круг губернаторских установлений: горной, сельскохозяйственной, почты и т. д. Губернатор мог только «поставить на вид учреждению за допущенное им нарушение или донести о нем ближайшему или высшему начальству». Надзор над общественными учреждениями выражался в праве губернатора утверждать обязательные для местных жителей общие постановления, в праве останавливать исполнение всех остальных распоряжений, если они не соответствовали законам или государственным интересам [1, с. 919—920].

Несмотря на малочисленность населения, Кавказская область (губерния) делилась на 6 уездов: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. В каждом уезде были введены также судебные административные и исполнительные учреждения. Нижней инстанцией в системе дворянских сословных органов являлся уездный суд.

31 января 1786 г. Кавказское наместничество открыло присутственные места в уездных городах [8, с. 2]. Кавказская губерния в 1785 г. включала 5 городов, 17 сел и слобод, населенных государственными крестьянами, и 3 помещичьих села.

В городах было введено Городовое положение (хотя численность населения не отвечала требованиям городского статуса), для немногочисленного дворянства были введены должности губернского и уездных предводителей дворянства, утверждена форма мундира и пр.

Малочисленность населения края, сложность политической обстановки и другие причины заставляли правительство и местные власти время от времени изменять административное управление новым краем. Уже в 1790 г. правительство отказалось от желания сохранять центр наместничества в Екатериноград и перевело его в Астрахань. Все бывшее наместничество стало именоваться Астраханской губернией [17, с. 22—25]. Указом от 22 октября 1790 г. был ликвидирован и Екатериноградский уезд, а его земли были разделены между Моздокским, Георгиевским и Александровским уездами.

Однако обширность губернии и обострение политической обстановки на Кавказе заставили правительство 15 ноября

1802 года вновь выделить из Астраханской губернии Кавказскую с 5 уездами (Кизлярский, Моздокский, Александровский, Георгиевский и Ставропольский). Губернским городом стал Георгиевск [1, с. 919–920], который был одновременно и центром по управлению всей Кавказской, Астраханской губерний и Закавказьем.

Все основные органы управления, существующие в центральных районах, были сохранены и в Кавказской губернии (губернское правление, казенная палата, уездные суды, городские и земские органы полиции и пр.) [12, № 20511].

Управление городами несколько отличалось от других губерний: городовых магистратов в Кавказской губернии не назначалось, только в двух городах Георгиевске и Ставрополе были учреждены ратуши в составе одного бургомистра и двух ратманов. В других же городах вместо ратуш «... по недостатку купечества и мещанства — Словесные суды, в которых заседали Городской голова и словесный судья» [1, с. 933].

Явно недостаточным были штаты и средства, выделенные Врачебной или Медицинской управе. В губернии, которая заселялась переселенцами из других областей и вследствие своеобразного климата, природных условий, частых эпидемий, была подвержена высокой смертности населения, предусматривалось только по одному инспектору, оператору (т. е. хирургу), акушеру и две повивальные бабки при губернском правлении. В уездных городах было по одному лекарю, имеющему двух учеников, и по одной повивальной бабке.

Как в губернском правлении, так и в уездах в штат обязательно входили должности землемеров, которые занимались не только описанием и разведкой земель, удобных для расселения, но также распределением и учетом заселяемых земель. Очень часто возникали взаимные претензии между казачьими станицами и крестьянскими селами, создавались целые хутора на самопроизвольно захваченных землях. Кроме того, свои права на землю предъявляли и кочующие народы — калмыки, трухмены, ногайцы.

Помимо перечисленных учреждений существовал Верхний пограничный суд в Моздоке, родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде [4, с. 792], которые финансировались по особым статьям «пограничных расходов».

Представленные штаты органов управления были утверждены Александром I.

Кавказская губерния, как известно, охранялась целой цепью военных казачьих укреплений под названием Кавказской линии. Казачье население с самого начала расселения имело свое управление и было подсудно гражданскому суду только по вопросам поземельного устройства. В остальном же казачество оставалось в управление военных начальников [2, с. 914].

Установленное правительством в Кавказской губернии своеобразное двоевластие (военное и гражданское), оформившееся и утвержденное к середине 1808 г., не оправдало себя. Это отмечалось в докладе гражданского губернатора М. Л. Малинского главному начальнику войск, расположенных по Кавказской линии и губерниях Астраханской и Кавказской генералу Н. Ф. Ртищеву: «власть на линии перемешаны с зависимостью от воинского начальства, как, например, в Моздоке, нет городничего, а полицией управляет комендант, гражданскому начальству не подчиненный, и... взыскать с него нет средства. В Георгиевске по части полицейской и плацмайор и полицмейстер, которые вмешиваются в одни и те же обстоятельства, не зная своих пределов» [2, с. 914]. Далее М. Л. Малинский говорит «о чересполосных владениях разным начальством подведомственных», которые образовались и результате поэтапного заселения края сначала казаками, а затем крестьянами, чьи села и станицы соседствовали с колониями иностранцев «коих начальники стоят в равенстве с губернатором и ему неподвластны». Отмечалось, что споры между руководителями гражданской и военной власти были доведены до такой степени, что «истребляют порядок службы».

Управление Кавказской губернии долгое время оставалось крайне неудовлетворительным. Гражданские и судебные дела не разбирались по несколько лет, в течение которых, по сообщению сенатора Д. Мертваго, «иных людей доводят до нищеты» [3, с. 569].

В Актах, собранных Кавказской археологической комиссией немало документов, записок о неудовлетворительном ведении дел с разъяснения о причинах такого по-

ложения. Например, гражданский губернатор М. Л. Малинский сетует на недостаток канцелярских служителей, «несмотря на то, то их вызывают сюда с повышением по чину, но некоторые готовы ехать назад, даже потеряв чины и награды или уйти в действующую армию» [3, с. 570].

Причины этого М. Л. Малинский видит во «вредном для приезжающих климате, доказательством чему служат 3 комплекта умерших здесь губернских чиновников в течении 10 лет существования губернии, плохие жилищные условия и дороговизна» [3, с. 570]. В присутственных местах работают чиновники, прибывшие из отдаленных мест Сибири «по-видимому из таких, которые там были отбракованы и негде уже не могли сыскать места, не говоря уже и о дурном поведении некоторых из них» [3, с. 628].

Любой, даже самый незначительный документ, необходимо было переписывать в различные журналы, затем в протоколы, рапорты по 7—8 раз. Не хватало грамотных писцов, типографии, которая значительно облегчила бы труд канцелярских работников, особенно в губернском правлении [3, с. 609—610]. Среди чиновников распространенным явлением были взяточничество и притеснения населения, но сложность состояла в том, что не всегда даже высшему начальству можно было самому немедленно отстранить таких служащих от должности. Например, командир Отдельного Грузинского корпуса, управляющий по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии генерал А. П. Ермолов вынужден был представить рапорт министру юстиции по поводу «противозаконных действий Кавказской Казенной Палаты асессора Рознятовского и Георгиевского уездного стряпчего Алферова..., изобличенных явным образом в постыднейшем лихоимстве и притеснении крестьян» [7, с. 7].

А. П. Ермолов, говоря о необходимости немедленного отстранения этих чиновников и передаче их дела суду, сетует на то, что должен терпеть их на службе до особого разрешения министра юстиции, что «не всегда приличные и для внутренних Российских губерний, совершенно несовместимых для начальства здешнего края, которое на представление его должно ожидать разрешения по крайней мере три месяца» [13, с. 2].

Нехватка чиновников, а также напряженная военно-политическая обстановка в крае способствовали тому, что «начиная с Цицианова, на Кавказе все должности занимались почти одними военными, с названием комендантов или окружных начальников» [14, с. 3—4].

Однако не только количественные, но и качественные показатели отличали местное чиновничество не в лучшую сторону. Так, Г. Н. Прозрителев отмечал, что хорошие чиновники и писцы с хорошим почерком были нужны и для учреждений «внутренней России», а на Кавказ попадал «обыкновенно такой элемент из среды чиновничества, который там уже терял возможность получить хорошее место. Главным недостатком чиновников было пьянство».

Но вместе с тем, тяжелые климатические условия Кавказского края, свирепствовавшая лихорадка, служили серьезной помехой для перехода на службу на Кавказ хороших чиновников. «Страшная смертность всех пугала». Правительство поощряло приезд на Кавказ разного рода льготами и прибавлением жалования. Но все это помогало мало, и кавказское начальство жаловалось на «неблагонадежность» местных чиновников [10, с. 1].

Георгиевск, который долгое время выполнял функции центра Кавказской губернии, отличался нездоровым климатом и был потому просто губителен для чиновников, недавно приехавших из центральной России. Во время царствования Александра I, правительство, по инициативе Сперанского, с целью поднять нравственный и умственный уровень чиновников в России, издало указ, по которому все служащие, достигшие чина титулярного советника, для получения следующего ранга — коллежского асессора, должны были «подвергнуться экзамену в науках».

Для большею частью невежественного и полуграмотного российского чиновничества это был страшный удар, многие так и остались «вечными титулярными советниками». Из сложившегося положения был единственный выход — ехать служить на Кавказ, «где каждый титулярный советник через год по прибытии получал чин коллежского асессора без всякого экзамена». Чиновники, желающие получить повышение без сдачи экзамена, отправились на Кавказ, в Георгиевск. Но в Георгиевске, от-

личавшемся «нездоровым климатом», повышенной влажностью, жарой, выходцы из России в скором времени заболевали лихорадкой и умирали в большом количестве. Как писал Г. Н. Прозрителев, на старом Георгиевском кладбище есть место, которое называется «кладбище титулярных советников или коллежских асессоров». Многие из вновь прибывших титулярных советников «не выживали и урочного года и на крестах надпись иногда гласит, что покойный не дослужил всего нескольких дней до желанного чина» [10, с. 7].

Необходимо отметить, что Ермолов за время своего пребывания на Кавказе проделал значительную работу по формированию здесь административной инфраструктуры. В то же время он был одним из первых, кто обратил внимание на судьбы кавказских чиновников. 12 марта 1817 года Ермолов отправляет императору Александру I рапорт, в котором писал о трудности чиновничьей службы в «отдаленном и воинственном крае» и ходатайством о награждении ряда чиновников «за труды и прекращение заразы — чумы». Главнокомандующий свидетельствует, что исполнение ряда должностей связано с большими трудами и опасностями. «Род жизни служащих здесь, отрешенность от всяких удовольствий и отдаленность достойны особого внимания» [15, л. 83—85].

Ермолов предложил для чиновников, отправляющихся служить на Кавказ, ввести льготы. Чиновник, отправляющийся на Кавказскую линию, должен получить пособие на путевые издержки и жалование за треть года; прослужившим на линии более 5 лет сроки к дальнейшему производству в чины, до коллежского советника сокращались вдвое; прослужившим 15 лет и остающимся служить после этого срока должны были платить полуторный размер жалования [15, л. 91—105 об.]. Эти льготы были утверждены императором 24 июля 1822 года вместе с переименованием Кавказской губернии в область и переносе областного центра из Георгиевска в Ставрополь.

Несмотря на дарование льгот и постепенное освоение территории Кавказской области, проблемы в отношении кавказских чиновников продолжались оставаться весьма острыми, даже спустя несколько десятилетий. В Кавказской области попрежнему не хватало чиновников, а те, что были, не всегда удовлетворяли начальство. Так, А. А. Вельяминов, начальник Кавказской области и командующий войсками на Кавказской линии в письме от 27 февраля 1834 года к А. С. Танееву, управляющему I отделением собственной Его Императорского величества канцелярии писал о чиновнике для особых поручений надворном советнике Иноземцеве: «Чиновник сей принадлежит к небольшому числу (выделено мною — Р. Г.) имеющих хорошие способности, хорошее образование и хорошую нравственность. Поручаемые ему дела идет вообще успешно». Отсюда видно, что хорошие чиновники на Кавказе встречаются довольно редко. Обращая внимание Танеева на то, насколько интенсивно приходится работать кавказской администрации, Вельяминов отмечал: «Если бы я имел вместо двух, десять чиновников для особых поручений, то все они были бы постоянно заняты» [3, с. 655]. По его же мнению «Много есть чиновников, коих нельзя обвинить по суду, но, несмотря на это, нравственность их и способности не внушают ни малейшего доверия». Таким чиновникам, по мнению начальника области, нельзя поручить серьезного дела. Из-за этого происходит застой в делах, их медленное движение.

Вельяминов не только констатирует факты, характеризующие кавказских чиновников не с лучшей стороны, но и пытается проанализировать причины сложившегося положения вещей в сфере управленческих кадров на Кавказе. Удаленность Кавказской области от обеих столиц и от центра империи — вот, по его мнению, главная причина, «по коей служить идут сюда неохотно». Так, чиновник с хорошими способностями и образованием «весьма основательно надеется» найти в столицах выгодное место для службы, не стремясь ехать на Кавказ. Люди с меньшими способностями «предпочитают служить во внутренних губерниях». Там они находятся среди «родственных и дружественных связей», что позволяет добиться более или менее выгодного места в губернской чиновничьей иерархии. Если такой чиновник не получает желаемого места в одной губернии, то он может надеяться получить аналогичную должность в соседней.

Те же, кто приезжает в Кавказскую область, должны «довольствоваться таким местом, какое представлено, либо возвращаться во внутренние губернии, делая на

переезды издержки, весьма чувствительные для людей, не имеющих обеспеченного состояния». Только необходимость получить чин коллежского ассесора изредка вынуждает порядочного чиновника, по словам Вельяминова, приехать в Кавказскую область: «опыт многих лет доказывает, что из числа приезжающих за чином коллежского асессора весьма и весьма редко встречается истинно полезный чиновник. Здравый рассудок без труда объяснит сие явление». Плохой климат, набеги горцев удерживали многих от службы в Кавказской области.

В других губерниях был значительных слой образованного дворянства, выполнявший роль резерва, в котором губернатор всегда мог найти нужные кадры. В Кавказской же области дворянство состояло из казаков и грузин, «все без образования». Следовательно, взять грамотных чиновников было неоткуда.

По мнению начальника Кавказской области, такие факторы, как неразделенность функций гражданского и военного управления, война с горцами — все это делает управление на Кавказе гораздо более сложным, чем в других губерниях. Чиновник, приезжавший на Кавказ, мало что знал о его местных особенностях и не может поэтому решать дела и их учетом. С целью хоть как-то смягчить отрицательное воздействие вышеуказанных факторов, А.А. Вельяминов предлагает значительно увеличить штаты органов управления Кавказской области (следовательно, не надеется, что в обозримом будущем положение измениться и в области станут служить люди, способные решать управленческие задачи, основываясь на собственных талантах) и увеличить жалование чиновникам [5, с. 711—712]. Только установление мирных отношений с горцами, заселение губернии, развитие экономики, городов, медицинской и образовательной инфраструктуры могло решить проблемы управленческих кадров на Кавказе.

Развитие губернии, изменение политической и экономической обстановки, рост населения требовали определенных изменений в управлении. В 1818 г. была проведена ревизия сенатором Д. Мертваго, «относительно перемен, предполагаемых ими, по управлению оной» [6, с. 70—71].

С созданием Кавказской области (1822 г.) сила военной власти более четверти века превалировала над гражданской. Сосредоточение основной власти в руках военного начальства, наложило определенный отпечаток и на административное устройство нового края. Вся основная часть чиновничьего аппарата состояла из военных. Из-за частого отсутствия начальника области гражданское управление оставалось неудовлетворительным.

Основными губернскими учреждениями в это время были: областной совет, областное правление, казенная палата, палата государственных имуществ, открытая января 1839 г., областной суд, дворянское депутатское собрание, приказ общественного призрения с подведомственными ему учреждениями, строительная комиссия и врачебная управа. Что же касается городских учреждений, то их количество было далеко не одинаковым: в Ставрополе их было 8, в Георгиевске — 2. В Кизляре помимо земского суда, окружного казначейства были созданы еще магометанское и карантинное управления и комитет по улучшению садоводства.

2 мая 1847 года, по именному указу Кавказская область в целях «соблюдения единообразия в общем наименовании разных частей государства», а также в связи с установлением мирной гражданской жизни на территории Ставрополья была переименована в Ставропольскую губернию. Округа стали уездами, были изменены и учреждения. Командующий войсками на Кавказской линии и Черномории продолжал управлять гражданской частью в губернии, сохранялось также общее управление губернией и кавказским наместником. Количество губернских учреждений претерпело в последующем некоторые изменения. В 1849 г. был закрыт, например, губернский совет, исполнение функций которого возлагалось теперь на управляющего гражданской частью и т.д. [9, с. 3]. Однако больше изменений в административно-территориальном статусе Ставрополья в рассматриваемый период не происходило.

При наместнике князе А.И. Барятинском (1856—1862гг.) происходило значительное усиление военного и гражданского административного аппарата. В 1856 году Отдельный Кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию с большим аппаратом управления. В 1859 году в связи с окончанием война на Восточном Кавказе и необходимостью устройства

гражданской жизни в регионе канцелярия наместника была преобразована в Главное управление наместника, состоящее из пяти департаментов: общий отдел (заведовал личным составом чиновников, почтами, строительством, медициной и образованием), судебный, финансовый, государственных имуществ, контрольный. При наместнике существовала даже особая дипломатическая канцелярия [15, л. 110].

Концентрация крупных вооруженных сил и укрепление военного и административного аппарата на Кавказе дали возможность России завершить Кавказскую войну. С начала 60-х гг.XIX века самостоятельность кавказской администрации стала постепенно ограничиваться.

Итак, одним из инструментов присоединения территории Кавказа к России стало создание в регионе административно-территориальных единиц. Одной из таких единиц была Кавказская (Ставропольская) губерния (область). Учитывая специфику новоприобретенной территории, правительство создает Кавказское наместничество. Поскольку в регионе на протяжении многих десятилетий шла война, то характерной чертой системы административных учреждений губернии стало превалирование военной власти над гражданской. Для более эффективной реализации своих целей в регионе центр использовал как общие для всей империи органы управления, так и специфические, характерные только для Кавказа. Система государственных органов, формировавшаяся на Ставрополье в рассматриваемый период, играла роль проводника политической воли правительства и в то же время несла на себе отпечаток специфики региона.

Библиографический список

1. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 2. Тифлис: 1868. 1238 с.
2. АКАК. Т. 5. Тифлис: 1873. 1187 с.
3. АКАК. Т. 6. Ч. 2. Тифлис: 1875. 954 с.
4. АКАК. Т. 8. Тифлис: 1881. 1033 с.
5. АКАК. Т. 10. Тифлис: 1885. 982 с.
6. АКАК. Т. 12. Тифлис: 1904. 1558 с.
7. Андреев В. Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. Т.1. Тифлис: 1876. С. 3 — 36.
8. Бентковский И. В. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости (СГВ). 1886. № 39.
9. Бентковский И. В. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии // СГВ. 1886. № 91.
10. Бентковский И. В. Кавказская губерния во время Алексея Петровича Ермолова с 1816 по 1824 г. Б. м.: б. г. 57 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ-1). 1649 — 1825 гг. В 45-ти тт. Т. XXII. СПб.:1830. 358 с.
12. ПСЗРИ-1. 1649 — 1825 гг. В 45-ти тт. Т.XXVII. СПб.:1830. 412 с.
13. Прозрителев Г. Н. Печатное дело на Северном Кавказе // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии (ТСУАК). Вып.1. Ставрополь: 1910. С. 21 — 25.
14. Прозрителев Г. Н. Необходимо охранять памятники прошлого // ТСУАК. Вып.2. Ставрополь: 1911. С. 16 — 20.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 232, оп. 1, д. 246.
16. Российское законодательство XIX — XX веков // Законодательство периода расцвета абсолютизма. Т. 5. М.: 1988. 504 с.
17. Яхонтов Е. Родной край. Ставрополь: 1911. 46 с.

Referens

1. Acts of the Caucasian Archaeological Commission (ACAC). V.2. Tiflis: 1868. 1238 p.
2. ACAC. Vol. 5. Tiflis: 1873. 1187 p.
3. ACAC. Vol. 6. Part 2. Tiflis: 1875. 954 p.
4. ACAC. Vol. 8. Tiflis: 1881. 1033 p.
5. ACAC. Vol. 10. Tiflis: 1885. 982 p.
6. ACAC. Vol. 12. Tiflis: 1904. 1558 p.
7. Andreev V. Memoirs of the Caucasian antiquities // Caucasian compilation. V.1. Tiflis: 1876. P. 3 — 36.
8. Bentkovsky I. V. Initial device of administrative agencies in the Caucasian province // Stavropol regional news (SRN№). 1886. № 39.
9. Bentkovsky I. V. Initial device of administrative agencies in the Caucasian province // SRN№. 1886. № 91.
10. Bentkovsky I. V. Caucasian province during Alexei Petrovich Ermolov from 1816 to 1824. 57 p.
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First collection (CCLRE-1). 1649 — 1825 biennium. In the 45 Vol. Vol. XXII. St. Petersburg. 1830. 358 p.
12. CCLRE-1. 1649 — 1825 biennium. In the 45 Vol. Vol. XXVII. St. Petersburg. 1830. 412 p.

13. Prozritelev G. №. Printing in the №orth Caucasus // Works Stavropol Scientific Archive Commission (WSSAC). Issue 1. Stavropol: 1910. P. 21 – 25.

14. Prozritelev G. №. Is necessary to protect the monuments of the past // WSSAC. №o. 2. Stavropol: 1911. P. 16 – 20.

15. Russian State Military Historical Archive (RSMHA), f. 232, in. 1, p. 246.

16. Russian legislation XIX-XX centuries // Legislation heyday absolutism. Vol. 5. M.: 1988. 504 p.

17. Yakhontov E. №ative land. Stavropol: 1911. 46 p.

German R.E., e-mail: romger@mail.ru, Department of Russian State Social University in Stavropol; Head of the Department of Management and Administrative Law; Ph.D. in History, Associate Professor (Russian Federation, Stavropol);

FOCUS AND ACTIVITY OF CIVIL AUTHORITIES IN THE STAVROPOL REGION IN LATE XVIII CENTURY – EARLY 60S OF XIX CENTURY

The article deals with the direction and specificity of the activities of the civil administration in the Stavropol region during the spread of the Russian authorities in the Caucasus. It shows the influence of the Caucasian War, the role of military commanders in the civil administration, the features of the personnel policy in the government during the reporting period.

Keywords: №orth Caucasus, Stavropol province, Caucasian War, Caucasian viceroyalty, bureaucrats, governor.